

HARLEQUIN®

094

Энн Херрис

ТАЙНЫ
ГЕРЦОГИНИ
ЭЙВОНЛИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Исторический роман – Harlequin

Энн Херрис

Тайны герцогини Эйвонли

«Центрполиграф»

2011

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Херрис Э.

Тайны герцогини Эйвонли / Э. Херрис — «Центрполиграф»,
2011 — (Исторический роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08402-6

Молодая жена герцога Эйвонли – прелестная, застенчивая Люсинда – исчезает в день свадьбы. Джастин опустошен и раздосадован бегством невесты – оказывается, он совсем ее не знал! Как бы там ни было, он полон решимости вернуть леди Эйвонли в супружеский дом. Герцог не догадывается, что его очаровательная жена в юности пережила драму и с тех пор ее преследуют мучительные воспоминания. Вступая в брак, Люсинда надеялась, что мрачные тайны прошлого будут забыты, однако, вернувшись из церкви после венчания, она находит письмо от шантажиста. Желая оградить честное имя мужа от скандала, герцогиня принимает решение бежать...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08402-6

© Херрис Э., 2011
© Центрполиграф, 2011

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Энн Херрис

Тайны герцогини Эйвонли

Anne Herries
The Disappearing Duchess

© Anne Herries 2011

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

* * *

Пролог

Джастин, герцог Эйвонли, обвел взглядом гостей – его окружало целое море лиц, и на каждом читалось ожидание, что сейчас он произнесет приветственную речь и вместе с невестой разрежет свадебный торт. В горле вдруг пересохло, сделалось трудно дышать оттого, что ему предстояло осмыслить и признать свершившееся: его красавица невеста, а вернее, уже супруга, Люсинда, сбежала сразу после церемонии венчания.

Они вернулись из церкви в герцогский замок, где все было готово к изысканному торжеству. Люсинда сказала, что ей нужно отлучиться, – на свадебном платье, дескать, оторвалась оборка.

– Я на минутку, Джастин. – Она улыбнулась той самой застенчивой улыбкой, которую он находил столь обворожительной.

– Конечно, любовь моя, ступай. – Джастин взял ее за руку и поцеловал в ладонь. – Ты так прекрасна, Люсинда. Я уже говорил, что обожаю тебя?

– Да, Джастин, и не раз. Я тоже питаю к тебе глубокие чувства. – Она снова улыбнулась и легко взбежала по лестнице.

Это было больше часа назад, а герцогиня так и не появилась. Еще через тридцать минут Джастин решил, что она заставляет гостей ждать непозволительно долго, и отправился в женские покои выяснить, в чем причина промедления, но обнаружил там лишь служанку Элис.

– Где твоя госпожа? Мне уже неловко перед гостями.

– Я не видела леди Эйвонли с тех пор, как вы с ней уехали в церковь, ваша светлость.

– Как это не видела? Люсинда сказала, у нее оторвалась оборка... Все ее наряды на месте? Быть может, она переделалась?

Служанка потупилась и покачала головой:

– Простите, сэр. Признаться, я отлучалась проверить, хорошо ли упакованы вещи госпожи для свадебного путешествия. А когда вернулась, мне показалось, что здесь чего-то не хватает, но не осмелюсь сказать наверняка...

Эйвонли подошел к платяному шкафу и открыл створки. Шкаф был полон изысканных нарядов, приобретенных герцогом, чтобы порадовать невесту.

– По-моему, ничего не пропало. – Он нахмурился, глядя на служанку и стараясь справиться с потрясением.

Как могла Люсинда покинуть его в день свадьбы? И что самое главное – почему?

– Хорошенько подумай, девочка, это важно. Ведь твоя госпожа не ушла бы из дома, ничего не взяв и не оставив записки.

– Здесь было старое платье... а здесь несколько безделушек, которыми леди Эйвонли очень дорожила. Теперь их нет. Но все ее драгоценности на месте, ваша светлость.

– Стало быть, твоя госпожа где-то в доме или в саду, – пробормотал Джастин, отказываясь верить очевидному. Зачем Люсинде бежать от него? В голову не приходило ни одной разумной причины. У них были прекрасные отношения, никаких ссор и разногласий. Возможно, их брак нельзя назвать союзом по любви, но он основан на взаимном уважении и искренней дружбе друг к другу. Что же могло для нее измениться? Что он сделал не так? Отчего Люсинда покинула его без объяснений?

Герцог обошел покои, пытаясь найти ответы, но, не обнаружив ни единой подсказки, вернулся к взволнованной служанке.

– Тщательно обыщи покои госпожи, надеюсь, она все-таки где-нибудь оставила письмо. И будь любезна, составь список вещей, которых здесь недостает. Мне нужно понять, было ли исчезновение леди Эйвонли спланированным или спонтанным. А я тем временем займусь поисками ее самой.

Поиски ни к чему не привели: новоявленную герцогиню никто не видел.

Гости между тем уже начинали беспокоиться, пошли пересуды. Джастин ловил на себе встревоженные, заинтригованные и любопытствующие взгляды. Его истинные друзья определенно были озабочены, однако среди не слишком близких знакомых нашлось бы немало таких, кого известие о том, что невеста бросила герцога Эйвонли пусть и не у алтаря, но перед самым началом свадебного пира, изрядно повеселило бы. Мысль об этом уязвляла его самолюбие. Джастин привык ко всеобщему восхищению. Он был хорош собой, сказочно богат, и многие благородные семейства в Англии мечтали заполучить его в женихи. Он долго раздумывал, прежде чем выбрал себе невесту. Люсинда была никому не известной провинциалкой, но ее скромность и застенчивая улыбка убедили герцога, что она станет идеальной женой для человека его положения.

С малых лет Джастину прививали чувство долга. Он родился в семье с безупречной родословной и безукоризненной репутацией. У Эйвонли не было скелетов в шкафу: поколения предков не запятнали фамильную честь ни скандалами, ни позорными деяниями.

Его первое предложение руки и сердца, всецело одобренное отцом, было отвергнуто. Получив отказ, вторую невесту Джастин выбирал долго и тщательно; он уверился, что Люсинда – совершенство во всех отношениях, и вот теперь она сбежала, выставив его на посмешище перед друзьями в день свадьбы и ранив в самое сердце.

Сейчас, снова оглядев пиршественный зал и собравшихся гостей, герцог глубоко вдохнул, стараясь унять гнев и разочарование.

– Прощу простить меня, – начал он. Разговоры тотчас стихли, взгляды устремились на него – всем не терпелось услышать новости. – К сожалению, вынужден сообщить, что моей супруге нездоровится. Она не сможет присутствовать за столом. Надеюсь, это не помешает вам насладиться яствами и винами. Я всех благодарю за то, что вы пришли, и еще раз приношу свои извинения.

По лицам Джастин понял, что ему не поверили. Все заподозрили неладное, но он не стал гадать, что гости себе вообразили, ведь ничего удивительнее того, что случилось на самом деле, придумать было нельзя.

Глава 1

– Стало быть, ты все еще не знаешь, куда и почему исчезла Люсинда? – задумчиво глядя на герцога Эйвонли, подытожил Эндрю, лорд Ланчестер, его добрый друг и сосед.

– За два месяца я не получил от нее ни одной весточки, – мрачно отозвался Джастин.

Эндрю, адъютант герцога Веллингтона, недавно вернулся из Испании. Он был ранен в сражении при Саламанке, но теперь о перенесенных страданиях напоминала лишь легкая хромота.

– Я искал ее повсюду, – продолжал Джастин. – Неделями расспрашивал местных жителей, но лишь двое вспомнили, что видели ее в окрестностях поместья в день исчезновения: Люсинда шла по дороге в одиночестве.

– Ты принял еще какие-нибудь меры? – нахмурился Эндрю. – Нанял сыщиков? Объявил о награде за сведения о ее местонахождении?

– Как раз подумывал о том, чтобы втайне нанять сыщика. Предавать дело огласке, объявляя о награде, мне бы не хотелось. Если... когда Люсинда вернется, я сделаю все, чтобы оградить ее от пересудов.

– Но ты же не рассчитываешь замять это дело? – поднял бровь Эндрю. – Моя сестра Джейн была на твоей свадьбе, и, когда я приехал из Испании, она сказала, что в тот день произошло что-то странное. Джейн не сплетница, но мало ли злых языков... Моя сестра давно дружит с Люсиндой и теперь, когда от нее так долго нет вестей, не на шутку обеспокоена. Уже пошли слухи о таинственном исчезновении герцогини Эйвонли, и, как бы ты ни старался, люди все равно будут судачить.

– Твоя сестра – деликатная и добрая девушка, – сказал Джастин, вскинув взгляд на Эндрю. – Я знаю, что она давняя подруга Люсинды, и поделился с ней своей бедой. Увы, Джейн даже не представляет, почему Люсинда могла меня бросить.

– А ты уверен, что она тебя бросила? – осторожно спросил Эндрю.

Джастин нервно пригладил густые волосы.

– Почему она сбежала? – пробормотал он, будто и не услышал вопроса друга. – Я все ломаю голову. Если она не желает жить со мной, могла бы сообщить об этом до свадьбы. Почему Люсинда обвенчалась со мной и ушла, ни словом не обмолвившись?

– Не знаю, – развел руками Эндрю. – Ты уверен, что она не оставила тебе письма? И устно ничего не передавала?

– Ее служанка клянется, что не видела Люсинду после нашего возвращения из церкви. И никакой записки мы не нашли.

– Может, еще раз обыскать ее покои? Вдруг вы что-то упустили?

– Я в жизни не встречал никого добрее и очаровательнее Люсинды. – Джастин взглянул на Эндрю с отчаянием: – Отказываюсь верить, что она могла намеренно ранить меня так жестоко. Придется признать твою правоту: возможно, в этой истории все не так, как кажется.

– Если позволишь, я найду толковых сыщиков. Нужно будет сообщить им девичью фамилию Люсинды – едва ли она воспользуется твоей, Эйвонли.

– Люсинда Сеймур... Она держалась так скромно, но ее улыбка покорила меня с первого взгляда. Едва увидев ее в Хэрроугейте, я понял, что хочу взять эту девушку в жены. Она была любезна со мной, однако не давала повода для ухаживаний, держала меня на расстоянии и всегда появлялась в обществе тетушки. Лишь позднее, когда Люсинда приехала погостить к Джейн и мы встретились в вашем поместье, она перестала дичиться, и у меня проснулась надежда. – В глазах герцога отразилось страдание. – Она сказала, что питает ко мне глубокие чувства, как раз перед тем как мы расстались. Почему же после таких слов она меня покинула?

– Здесь определенно есть какая-то тайна, – вздохнул Эндрю. – Но я уверен, что Люсинда непременно вернется и все объяснит тебе, когда будет готова.

– Если бы Люсинда испытывала ко мне хоть какие-то чувства, она бы рассказала о своих неприятностях.

– Погоди-ка, Эйвонли, неужто ты в нее влюбился?

– Меня заботит ее судьба, но... боюсь, любовь мне не знакома – в родительском доме я видел слишком мало проявлений этого чувства.

– Стало быть, брак заключен не по любви? – Эндрю задумчиво покачал головой. – В таком случае Люсинда могла испугаться, что ты прогонишь ее, если вдруг выяснится правда о ней.

Герцог Эйвонли подался к нему:

– Бога ради, о чем ты?

– Насколько хорошо ты знаешь Люсинду? Возможно, ей есть что скрывать.

Джастин нахмурился:

– А почему ты об этом заговорил?

Эндрю поколебался, но все же ответил:

– Помнится, Люсинда внезапно бросила учебу в Академии, и Джейн несколько лет ничего о ней не слышала.

– Ты не знаешь, что тогда случилось?

– Не имею ни малейшего понятия. Так или иначе, это может быть никак не связано с ее нынешним исчезновением.

– Наверняка не связано.

– Тогда остается лишь дожидаться, что она вернется и все расскажет.

– Надеюсь, так оно и будет, Эндрю. Я очень беспокоюсь за Люсинду. У нее с собой было совсем мало денег. Я дал ей несколько гиней на мелкие расходы во время нашего предстоящего свадебного путешествия, но на них едва ли можно прожить два месяца. Еще, возможно, у нее есть какие-нибудь драгоценности и собственные сбережения.

– Значит, ты примешь Люсинду обратно независимо от причин ее отсутствия? – нарушил молчание Эндрю.

– Она моя жена. – Джастин посмотрел на друга так, будто удивился этому вопросу. Герцог был джентльменом и человеком чести – неужели он прогнал бы супругу, если бы та пришла к нему с просьбой о помощи?

– Что ж, завтра утром я отправлюсь в Лондон и найму сыщиков, – кивнул Эндрю и похлопал Джастина по плечу. – Не теряй надежды, друг мой.

* * *

Люсинда оглядела крошечную кухню и вздохнула. Сегодня утром, еще до зари, она попыталась оттереть пол. Стало почище, но превратить эту лачугу во что-то похожее на человеческое жилье не представлялось возможным. К сожалению, на приличный дом у нее не хватило денег – гиней, полученные от мужа на булавки, уже были потрачены.

А ведь она могла бы жить в поместье Эйвонли... Вдруг сдавило горло, по щеке скатилась слеза, и Люсинда нетерпеливо смахнула ее рукой. Наверное, герцог на нее до сих пор гневается. В день свадьбы, вернувшись из церкви и обнаружив на платяном сундуке письмо от шантажиста, она в панике сбежала, наспех завернув в шаль самые необходимые вещи. Кто и каким образом мог узнать ее тайну, проведать о том страшном и постыдном событии, случившемся пять лет назад? В первую очередь Люсинда подумала о добром имени мужа – герцог Эйвонли был уважаемым человеком, и мысль о том, что она может запятнать честь всего благородного семейства, привела ее в ужас. Люсинда знала, что выбор герцога пал на нее лишь

потому, что он считал ее девицей с безупречным прошлым, скромной и добродетельной. Как же он разочаруется! Нужно было во всем признаться ему до свадьбы. Более того, нельзя было принимать его ухаживания – и поначалу Люсинда старалась держать дистанцию, но ее влекло к Джастину все сильнее, она уже была не в силах противиться велению собственного сердца и в конце концов влюбилась столь отчаянно, что не сумела ему отказать, хоть и видела, что его чувства к ней вовсе не так глубоки. Так или иначе, гнусное письмо навсегда лишит ее уважения Джастина. Он возненавидит ее и захочет освободиться от постыдного бремени, в которое она превратится, как только откроется правда.

Люсинда опустила на колченогий стул возле кухонного очага и, закрыв глаза, постаралась прогнать воспоминания о той кошмарной ночи, когда ее, совсем юную девушку, в ее же собственной спальне обесчестил мужчина, которого она считала верным другом отца. Негодяй пригрозил его разорить, если Люсинда кому-нибудь об этом расскажет, и она молчала до тех пор, пока ее положение не стало очевидным – так случилось, что она забеременела. Тогда Люсинда попыталась объяснить родителям, что ее изнасиловали, но, поскольку она отказалась назвать имя негодяя, ей не поверили, и разъяренный отец, заявив, что больше не желает ничего слышать, отправил дочь жить к строгой бабушке. Ребенок родился мертвым, однако и после этого Люсинда оставалась в изгнании до самой кончины отца. Таково было ее наказание – он запретил ей возвращаться домой. После его смерти мать смягчилась и разрешила Люсинде съездить в Хэрроугейт в сопровождении тетушки. Там Люсинда впервые и встретила герцога Эйвонли и там же осознала, что влюбилась в него. Тем не менее она сохраняла дистанцию, ибо считала само собой разумеющимся, что ни один достойный джентльмен не пожелает взять ее в жены, если узнает о внебрачной беременности. «Отец сказал, ты лишилась права на счастье, – напомнила миссис Сеймур дочери, прослышав, что герцог оказывает ей знаки внимания. – Я не стану отказывать тебе во всех радостях жизни, но надеюсь, ты понимаешь, что никогда не сможешь выйти замуж?»

Не забывая о гневе покойного отца и о сдержанном неодобрении матери, Люсинда сторонилась герцога Эйвонли в Хэрроугейте. Когда же они снова встретились в доме Джейн Ланчестер, та посоветовала ей прислушаться к зову сердца и дать согласие на брак. Люсинда не могла не последовать совету подруги.

Она со вздохом в очередной раз оглядела убогую кухню в сельском домике. Разлука с герцогом все эти долгие недели давалась ей нелегко, но письмо шантажиста помимо прочего содержало сведения, в которых необходимо было удостовериться. Теперь Люсинда узнала правду, и эта правда требовала от нее таких решительных действий, что ей было страшно.

От Эйвонли она убежала в панике, не представляя, что делать дальше, думая лишь о том, что не может довериться мужу, видевшему в ней достойную, добродетельную жену. Люсинда была потрясена и растеряна: шантажист не только выложил в письме ее тайну, но и как громом поразил известием о том, что ребенок, которого она считала мертвым, жив. Автор этого письма угрожал предать ее прошлое огласке, если она не заплатит ему десять тысяч фунтов, но также предлагал сообщить, где сейчас находится ее дочь, «живущая в нищете и опасности» (от этих слов Люсинда похолодела).

Во время беременности, томясь под домашним арестом и чувствуя, как дитя растет у нее под сердцем, она мало-помалу проникалась любовью к этому крохотному существу. Семья отвергла Люсинду, никого больше не заботила ее судьба, и она мысленно разговаривала с ребенком, воображая себе, что своим рождением он избавит ее от одиночества. А потом были несколько часов боли и страданий, после чего ей холодно сообщили, что девочка родилась мертвой. Люсинда долго убивалась по так и не увидевшей свет малышке, но в конце концов примирилась с этим горем и все воспоминания о нем заперла под замок в дальнем уголке сознания. Она твердо сказала себе, что отныне прошлое ничего для нее не значит. И вдруг, в день свадьбы с герцогом Эйвонли, выяснилось, что ее ребенок жив!

Мать солгала ей. Жестокость и вероломство, проявленные родителями, потрясли Люсинду до глубины души. И вместо того чтобы пойти к герцогу и сдаться на его милость – а она непременно поступила бы так, если бы не сомневалась в его чувствах к себе, – Люсинда сбежала, решив, что лучше уж ей просто исчезнуть из жизни Джастина, чем навлечь на него позор.

Первое потрясение было столь сильным, что Люсинда потеряла способность соображать. Затем, охваченная паникой и желанием убедиться, что шантажист не обманул ее насчет ребенка, она взяла старое платье, горстку безделушек и бросилась в сад. В смятении, смутно представляя себе, как быть дальше, и обливаясь слезами, она отправилась домой, в родное поместье. Лишь спустя несколько долгих одиноких дней и ночей она начала понимать, что нужно делать, – снова полюбить дитя, которое она считала мертвым.

К матери Люсинда добралась за десять дней. Та встретила ее с кислой миной. Миссис Сеймур отказалась присутствовать на свадьбе дочери под предлогом недомогания, но истинная причина ее отсутствия была ясна: она считала, что ее дочь недостойна выйти замуж за кого бы то ни было.

– Стало быть, ты образумилась, Люсинда. Поняла, что совершила глупость, не так ли? Полагаю, он выставил тебя за дверь?

– Эйвонли ничего не знает, – сказала Люсинда и гневно взмахнула письмом. – Где она, мама? Где моя дочь? Ребенок, которого я считала мертвым и которого ты украла?

Миссис Сеймур побледнела. Она немедленно опровергла обвинение Люсинды и упорно отрицала правду еще дней десять, клялась, что знать не знает о внучке, ибо та умерла при рождении. Но Люсинда не сдавалась, осаждала ее вопросами с утра до ночи, и в конце концов миссис Сеймур разрыдалась:

– Отец не разрешил бы тебе оставить ребенка. Он отдал девочку в работный дом, и... кажется, ее удочерила бездетная пара.

– Назови мне их фамилию, мама.

Миссис Сеймур покачала головой:

– Я больше ничего не знаю. Клянусь, я не расспрашивала твоего отца.

– Тогда скажи, как называется работный дом.

– Столько лет прошло... Ничего у тебя не выйдет.

– Скажи, что мне нужно, и я оставлю тебя в покое. Начнешь опять увливать – и я изведу тебя вопросами. Я уже не та перепуганная девочка, которую ты так безжалостно обманула!

– Я не могла поступить иначе – нужно было скрыть твой позор!

– Да неужели? Если бы ты любила меня так, как мать должна любить свое дитя, ты увезла бы меня подальше, пусть даже за границу, и позволила бы мне самой растить твою внучку. Вдвоем с ней мы бы как-нибудь справились!

– Какое тебе дело до этого ребенка? Ты же уверяла нас, что тебя изнасиловали!

– Как ты можешь сомневаться в моих словах? – Люсинда печально взглянула матери в глаза. – Мужчина, так жестоко поступивший со мной, был чудовищем, и он понес бы наказание, если бы отец принял мою сторону. Но отец предпочел поверить лжи негодяя, которого называл своим другом. Этого мерзавца я ненавижу, но мое дитя невинно. Матушка, я должна ее увидеть! У меня сердце чуть не разорвалось, когда я узнала, что она жива! Я не успокоюсь, пока не прижму ее к своей груди!

– И что ты собираешься делать, когда найдешь ее?

– Пока не знаю. Но я должна удостовериться, что моя дочь здорова и счастлива.

Миссис Сеймур, устыдившись, отвела глаза. В конце концов она рассказала все, что знала, и Люсинда в тот же день покинула поместье Сеймура.

Путь к работному дому занял две недели, и еще неделя ушла на то, чтобы получить от управляющей фамилию бездетной пары, забравшей девочку.

– Если что, я вам ничего не говорила, – добавила управляющая, глядя на выложенные перед ней Люсиндой серебряный медальон и рубиновую брошь. – Ваш батюшка велел нам отдать девочку на удочерение, а у миссис Джексон тогда как раз не было деток.

– А сейчас есть?

– О, понародились один за другим! Четверо у нее теперь, и старшему почти четыре годика. Такую ораву уж и не прокормишь, так что они будут рады избавиться от Сьюзан.

– Вы назвали мою дочь Сьюзан?

Женщина кивнула.

– Спасибо, мадам. Не подскажите теперь, где мне найти Джексонов?

– Найдете все семейство неподалеку под вывеской «Петушиная шпора».

– Супруги Джексон держат гостиницу?

– Ну, можно и так сказать, хотя многие выразились бы иначе. Коли хотите знать мое мнение, это воровской притон, а не гостиница.

– Благодарю за ответы. Надеюсь, вы меня не обманули, в противном случае я вернусь, и вы пожалеете о своей лжи. Мой муж весьма влиятельный человек, он сумеет с вами покончиться.

– Что-то не похожи вы на жену влиятельного человека, – хмыкнула управляющая.

– Я одеваюсь так, как того требуют обстоятельства, – гордо парировала Люсинда и удалилась, стараясь унять неистово бившееся сердце.

Найти гостиницу, указанную управляющей, труда не составило. Люсинда отважно вошла, надеясь встретить там разумную мать семейства, с которой удастся столковаться о возвращении девочки. Но хозяйка оказалась сущей мегерой – огрызалась на мужа и посетителей, а чуть что, начинала громко браниться.

Люсинду она окинула подозрительным взглядом, грубо спросила, что ей нужно, и рявкнула, не дожидаясь ответа:

– Ежели работу ищешь, тебе тут делать нечего! Мужиков будешь обслуживать в другом месте, у меня приличное заведение, а не портовый кабаk со шлюхами!

– Я ищу ребенка, девочку, – сказала Люсинда. – Ее удочерили в работном доме пять лет назад.

– И на что она тебе сдалась?

– Это моя дочь. Я хочу ее вернуть.

– Да ну? – прищурилась миссис Джексон. – Тогда ладно, так уж и быть, продам ее тебе за пять сотен гиней.

– У меня остались только серебряная шкатулка и булавка с бриллиантом, подарок крестной матери, – развела руками Люсинда. – Сьюзан – моя дочь. Ее украли у меня сразу после рождения, и я лишь совсем недавно узнала, что она у вас. Умоляю, верните мне ее. Я отдам все, что у меня есть.

– Держи карман шире! Через несколько лет девчонка начнет приносить неплохой доход. У меня уже есть заказы на нее, и я могу получить кое-что получше, чем твои побрякушки. Знаем мы таких! Думаешь, нашла дурочку? Да старые извращенцы отвалят целое состояние за малолетку и я продам ее по самой выгодной цене, когда придет время!

– О нет! Прошу вас, не надо! – в отчаянии воскликнула Люсинда, не ожидавшая такого поворота. – Я добуду деньги. Она моя дочь... Богом клянусь...

– Валяй, добывай. Только цена уже выросла. С тебя тысяча гиней, – ослабилась хозяйка. – Не принесешь деньги через неделю – заключу сделку с тем, кто даст больше.

– Пожалуйста, позвольте мне увидеть Сьюзан.

– Да смотри сколько влезет. Только без шуточек! Попробуешь ее умыкнуть – позову мужа, и ты костей не соберешь.

Когда хозяйка привела из кухни худенькую, замызганную, упирающуюся девочку, Люсинда впилась ногтями в ладони – ей хотелось разрыдаться, но нельзя было показывать свои чувства миссис Джексон. Люсинда опустилась перед малышкой на колени, ласково коснулась рукой ее подбородка, и, когда девочка подняла голову, сердце чуть не выскочило из груди. Точно такие же странные, зеленовато-голубые, глаза она видела каждый день, глядя на себя в зеркало. Это была ее дочь, сомнений не осталось – управляющая работным домом не солгала.

С трудом подавив желание схватить девочку в охапку и броситься вместе с ней прочь, Люсинда улыбнулась и достала из кармана пирожное. Малышка с подозрением уставилась на лакомство.

– Это угощение для тебя, возьми. Послушай меня, Сьюзан... однажды, очень скоро, я вернусь и заберу тебя с собой. Мы будем жить вместе.

– Ага, только после того, как я получу тысячу гиней. – Хозяйка гостиницы пнула девочку. – Иди работай!

– Пожалуйста, не обижайте ее! – взмолилась Люсинда. – Я принесу деньги через неделю.

Сьюзан тем временем с опаской откусила кусочек пирожного, и в ее глазах отразилось удивление – наверное, она впервые в жизни попробовала сладкое. На пороге кухни девочка на мгновение обернулась, взглянув на добрую тетю, и шмыгнула за дверь.

– Какую работу она выполняет? – спросила Люсинда. Ее сердце разрывалось от жалости.

– Какую заставлю, такую и выполняет, – отрезала миссис Джексон. – У тебя неделя. Потом ищи ее свищи.

– Я принесу деньги, – повторила Люсинда и поспешно выбежала из гостиницы, потому что уже не могла сдерживать рыдания.

Она знала, что все ее безделушки, вместе взятые, не стоят тысячи гиней. И даже если бы она не оставила в амбаре поместья Эйвонли свое свадебное платье и теперь продала бы его, все равно не удалось бы выручить больше нескольких сотен. Выхода не было, как и времени на поездку в Эйвонли, чтобы попросить в долг у мужа. Люсинде пришлось посмотреть в лицо действительности: за неделю ей ни за что не собрать сумму, которую миссис Джек-сон требует за девочку.

Значит, девочку нужно украсть.

Дочь похитили у нее сразу после рождения. Она вернет себе Сьюзан тем же способом.

Теперь надо было продумать план. Люсинда сняла домик в соседней деревне, постаравшись не вызвать подозрений у владелицы. Купила за гроши потрепанную одежду, парик, чтобы скрыть огненно-рыжую гриву волос, накинула на голову дырявый, застиранный платок и вымазала щеки сажей. В таком виде она два раза прошла мимо гостиницы, и выходящая во двор миссис Джексон ее не узнала. Кроме того, Люсинда выяснила, что Сьюзан заставляют по утрам выносить ведро с нечистотами сразу после того, как проснувшиеся постояльцы справят нужду.

Наконец настал решающий день. Люсинда заперла дверь сельского домика и поспешила к гостинице, чтобы уйти оттуда только вместе с дочерью. Укрывшись за телегой с сеном возле конюшни без четверти девять, она принялась ждать, а едва завидев девочку, тащившую тяжелое вонючее ведро к выгребной яме, устремила к ней:

– Брось это, Сьюзан, идем со мной! Я заберу тебя отсюда и стану о тебе заботиться, милая. Та злая тетя больше никогда тебя не накажет.

– А ты дашь мне пирожное? – озабоченно поинтересовалась девочка.

– Конечно, дитя мое! Ты будешь есть пирожные каждый день. Бежим скорее!

Девочка поставила ведро на землю, протянула Люсинде руку, и они побежали. На перекрестке им навстречу выехала почтовая карета и остановилась, чтобы выпустить пассажира. Люсинда бросилась к кучеру:

– Пожалуйста, отвезите нас до ближайшего города!

– Мы направляемся в Уэтфорд, мэ, без остановок.

– Замечательно! – Люсинда сунула ему в руку оставшуюся мелочь. – Ребенка я посажу себе на колени.

– Вы дали мне лишних три пенса. – Кучер вернул ей медяки. – Запрыгивайте внутрь и глядите, чтобы ребенок не шалил.

Забравшись в карету, она посадила девочку себе на колени и, крепко прижав ее к груди, прошептала на ушко:

– Теперь все будет хорошо. Злая тетя никогда нас не найдет, а я позабочусь о тебе, милая. Я твоя мама, понимаешь? Тебя забрали у меня, когда ты была совсем крошкой. Я хотела назвать тебя Анджелой. Ты моя доченька. Ты Анджела. Никто тебя больше не обидит, я обещаю.

В дорогу Люсинда взяла немного еды и булочку с сахарной пудрой для дочери. С удовольствием съев лакомство, Анджела заснула, прижавшись щекой к материнской груди. От худенького тельца исходило уютное тепло, но на душе у Люсинды было беспокойно. Она вдруг поняла, что выполнена лишь часть плана. Следующий этап будет намного сложнее. Ей предстоит найти новое жилье для них обоих – ведь возвращаться в сельский домик нельзя – и источник существования. Тогда она сможет прийти к Джастину и рассказать, почему покинула его в день свадьбы.

По щекам Люсинды покатались слезы. Она горячо любила мужа и боялась, что он возненавидел ее за этот поступок. До сих пор все ее мысли были сосредоточены на том, как вернуть дочь, и лишь теперь она задумалась, как жестоко поступила с мужчиной, за которого вышла замуж. Она не нашла в себе сил открыть ему свою тайну и просто сбежала, оставив короткую записку. В записке Люсинда наспех сообщила, что ее ждет важное дело и что она вернется, как только все уладит. Наверное, он обиделся из-за того, что она ничего не объяснила, не обратилась к нему за помощью, и теперь не пожелает ее видеть.

Впервые Люсинда осознала, что, так неожиданно бросив мужа в день свадьбы, она, возможно, потеряла свой единственный шанс на счастье. Что же теперь делать?

– Где вы это нашли? – Джастин смотрел на измятое свадебное платье из самого дорогого и изысканного шелка, один из множества его даров, преподнесенных невесте. – И почему только сейчас?

– Платье было спрятано за снопами сена в амбаре, ваша светлость. – Стоявший перед герцогом арендатор чувствовал себя неудобно. – Мы заглядывали в амбар, когда искали юную леди, клянусь вам, сэр, но не догадались разворошить сено. А нынче вот пришли за кормом для лошадей, и кто-то заметил торчавший из-под сена краешек шелков...

– Хорошо, я понял, – буркнул Джастин. – Что ж, спасибо, что принесли это мне.

Люсинда выставила его на посмешище, и сделала это намеренно. Теперь ясно, что это не похищение, – она сама спрятала платье в амбаре, преступники не стали бы ее переодевать. Да и выкуп за два месяца никто не потребовал.

Когда арендатор ушел, Джастин принялся мерить шагами гостиную. Со дня исчезновения жены он места себе не находил от беспокойства, нервы были на пределе. Куда она могла отправиться и почему покинула его в день свадьбы – на эти вопросы так и нашлось ответов. Но должен же быть хоть какой-то намек! Джастин резко развернулся и поспешил к лестнице, ведущей в покои жены. Он сам обыщет все еще раз – наверняка слуги что-то упустили!

В комнатах наверху было пусто и прибрано. Герцог начал яростно открывать дверцы шкафов, выдергивать ящики. Он обшарил каждый уголок, но безрезультатно. Взгляд задержался на шкатулке с драгоценностями. Герцог откинул крышку – все его подарки Люсинде были на месте, однако он вспомнил, что у шкатулки двойное дно, и нажал на потайной рычажок. Вот

оно – ее любимая рубиновая брошь и булавка с бриллиантом, полученная от крестной матери, исчезли. Застонав от разочарования, Джастин швырнул шкатулку на пол, прошипев сквозь зубы: «Будь ты проклята, Люсинда, за то, что так бесчестно поступила со мной!» В следующую секунду, взглянув на рассыпавшиеся по полу прекрасные драгоценности и разорванное жемчужное ожерелье, он почувствовал укол совести оттого, что дал волю гневу, и, наклонившись, начал их собирать. Доставая из-под туалетного столика раскатившиеся жемчужины, он краем глаза заметил что-то белое. Это был уголок сложенного бумажного листа, торчавший из-под задней панели столика – вероятно, лист соскользнул и застрял между ней и стеной. Герцог достал бумажку и замер – у него в руках оказалось короткое послание, написанное почерком Люсинды и адресованное ему. Он принялся жадно читать:

Дорогой мой Джастин!

Прости меня, случилось нечто настолько серьезное и ужасное, что я должна немедленно тебя покинуть. Очень скоро, как только улажу дело, я вернусь и все тебе объясню. Знаю, мое отсутствие на свадебном пиру вызовет беспокойство и поставит тебя в неловкое положение, но ты можешь сказать гостям, что моя матушка внезапно заболела и я поехала ухаживать за ней. Это неправда, но сейчас я не могу дать другого объяснения. Мне нужно спешить. Я люблю тебя.

Люсинда.

Герцог схватился за голову. Ну почему он с самого начала не обыскал эту комнату со всей тщательностью?! Если бы письмо нашлось в день свадьбы, не было бы двух месяцев кошмара, волнений и душевной боли. Мрак, окружавший герцога со дня исчезновения супруги, рассеялся. Однако остались два важных вопроса.

Почему Люсинда покинула поместье столь внезапно и поспешно? И что помешало ей обратиться к нему за помощью, если случилось нечто «серьезное и ужасное»?..

Глава 2

Люсинда долго не решалась выйти из укрытия. Выглядывая из-за кустов, она наблюдала за Джейн Ланчестер, хлопотавшей в своем любимом саду. Сейчас, встав коленями на подушечку, Джейн сажала цветы, которым предстояло распуститься еще до конца года, и была всецело поглощена этим занятием.

Медлить дальше глупо, сказала себе Люсинда и, глубоко вдохнув, отважно зашагала к подруге.

– Джейн, прости за неурочный визит. Мне очень нужно с тобой поговорить.

Девушка вздрогнула от неожиданности. Пару мгновений она удивленно смотрела на гостью, а потом, порывисто вскочив, бросилась к ней и крепко обняла.

– Люсинда! Я так переживала, уж думала, тебя похитили или убили! Ах ты негодная девчонка! Трудно было подать весточку? Идем скорее в дом. Я напою тебя чаем, и ты расскажешь обо всем, что с тобой случилось. Не сомневаюсь, у тебя были веские причины для внезапного исчезновения, я так и сказала Эйвонли. Он уже знает, что ты вернулась?

Люсинда покачала головой.

– Как? – изумилась Джейн. – Он ужасно беспокоился о тебе, весь извелся. Не понимал, почему ты вдруг сбежала, и думал, что тебя похитили.

– Правда? Но я же оставила ему записку на туалетном столике, Джастин не мог ее не заметить.

– Не знаю, как так получилось, но, видимо, записку он не нашел. Мне даже пришло в голову, что это я во всем виновата, – напрасно посоветовала тебе принять его предложение руки и сердца.

– Я очень люблю Джастина. – У Люсинды задрожали губы. – Нельзя было так поступать с ним в день свадьбы, но я была в ужасном состоянии, ничего не соображала. А потом спохватилась и поняла, что надо было сразу все ему рассказать и попросить о помощи. Но тогда я могла думать только о... – Люсинда замолчала, качнув головой.

– Идем же пить чай, расскажешь мне все по порядку, – потянула ее к дому Джейн и вдруг нахмурилась, увидев размашисто шагавшего к ним мужчину. – А вот и мой братец. Ты помнишь Эндрю? Кажется, вы встречались однажды, когда он еще служил в армии.

– Наверное, мне лучше уйти... – торопливо сказала Люсинда. – Твой брат не пожелает со мной общаться после того, что я натворила.

– Ну уж нет, на этот раз ты не сбежишь! – улыбнулась Джейн. – И ты непременно должна поговорить с Эйвонли. Собственно, это первое, что тебе следовало бы сделать.

– Да, я поговорю. – Люсинда нервно сглотнула, глядя на приближавшегося к ним высокого крепкого bruneta с темными глазами, который казался угрожающе суровым.

– Герцогиня, – поклонился ей подошедший лорд Ланчестер, не подав и виду, что удивлен. – Я сказал Эйвонли, что вы непременно вернетесь. Полагаю, вы уже успели с ним пообщаться и дать объяснения?

– Люсинда хотела сначала все обсудить со мной, – заявила Джейн. – Ты не мог бы прогуляться полчасика, пока мы с ней поболтаем?

– О, в этом нет необходимости, – вмешалась Люсинда. – Я готова рассказать вам обоим, почему сбежала в такой спешке. Потому что получила письмо от шантажиста. Конечно, следовало во всем признаться Джастину и спросить у него, как мне быть, но я боялась, что он рассердится и нам придется расстаться навсегда. Ему бы не составило труда расторгнуть брак.

– Вы сказали, письмо от шантажиста? – нахмурился Эндрю. – Оно у вас сохранилось?

– Нет... – Люсинде не хотелось лгать, однако в письме было слишком много сведений, которыми она не могла поделиться с братом Джейн. Если бы он сейчас не появился, она рас-

сказала бы подруге о том, что вернула себе дочь, но говорить об этом в присутствии сурового и совсем незнакомого мужчины не решилась. – Я не останусь на чай, извини, Джейн. Сэр, вы не знаете, герцог Эйвонли сейчас у себя в поместье?

– Да, я только что от него. Между прочим, мы с ним разослали сыщиков охотиться за вами, юная леди.

Глаза Люсинды наполнились слезами.

– Должно быть, он гневается на меня. Нужно было написать ему обо всем подробно. Теперь он не пожелает меня видеть...

– Зачем ты ее расстраиваешь? – сердито взглянула на брата Джейн, обняв подругу за плечи. – Где твоя деликатность?

– Простите, – смягчился Эндрю. – Не сомневаюсь, у вас были веские причины покинуть Эйвонли, герцогиня. Думаю, он скорее тревожится о вас, нежели гневается.

– Но я не смогу посмотреть ему в глаза...

– Сможете. – Эндрю достал из кармана белоснежный носовой платок и протянул его Люсинде. – Если позволите, я провожу вас к герцогу Эйвонли и буду защищать. А если он рассердится, отвезу обратно к Джейн. Так вам будет спокойнее?

– Да-да, ты обязательно должна вернуться к нам, если Эйвонли не примет твои объяснения, – поддержала брата Джейн. – Но я уверена, он проявит снисходительность.

– Сегодня он прислал за мной, потому что только сейчас нашел ваше письмо, – сказал Эндрю. – Оно упало за туалетный столик, и все это время его никто не замечал. Эйвонли наткнулся на него случайно нынешним утром и немедленно сообщил об этом мне, поскольку я тоже участвую в поисках.

– Где ты все-таки пропадала? – не выдержала Джейн. – Эйвонли сразу послал человека к твоей матушке, но та сказала, что ты не появлялась.

– Я очень долго добиралась до дома. – Люсинда отвела взгляд. – Шла пешком почти всю дорогу. Наверное, посланник герцога приехал к матери раньше, чем я.

– Почему же она не известила Эйвонли письмом, когда ты все-таки пришла к ней? – удивилась Джейн.

– Она сердилась на меня. Мы поссорились.

– Значит, все это время ты провела не в поместье Сеймуров?

– Я ушла от матери дней через десять. – Люсинда покачала головой. – Это долгая история, Джейн. Расскажу в другой раз. Сейчас мне нужно повидаться с Джастином.

– Обещай, что непременно придешь ко мне, если тебе потребуется помощь. – Джейн порывисто взяла ее за руку. – Я твой друг, Люсинда, ты всегда можешь на меня рассчитывать. Я сделаю все, чтобы поддержать тебя в беде.

– Я навлеку позор на вашу семью. Если бы ты знала... Нет, не сейчас, Джейн, прежде мне нужно поговорить с Джастином.

Люсинде необходима была поддержка подруги, но она не могла открыть ей свои секреты в присутствии лорда Ланчестера.

– Вам нет нужды сопровождать меня, – сказала ему Люсинда. – Я дойду до поместья Эйвонли пешком.

– Ни в коем случае. Я отвезу вас в фаэтоне. Джейн, я вернусь незамедлительно. Ты пока можешь выпить чаю, а потом побеседуем. После ланча мне нужно будет съездить в Лондон.

– Ты ведь навестишь меня, Люсинда? – спросила Джейн, кивнув брату.

– Конечно, и очень скоро. Возможно, раньше, чем ты думаешь, – грустно улыбнулась Люсинда.

Попрощавшись с Джейн и следуя за лордом Ланчестером к конюшням, Люсинда подумала, что, стараясь приободрить ее, подруга не знала всей правды. Да, возможно, герцог простит безрассудное бегство в день свадьбы и не потребует развода даже после того, как она

расскажет о рождении внебрачного ребенка. Но Люсинда не сомневалась, что он не примет ее девочку в семью. Джейн, разумеется, даст приют любимой подруге, но девочку она тоже не примет, а если все-таки согласится взять малышку к себе, брат ей этого не позволит. Она с самого начала решила, что справится сама, найдет способ обеспечить себя и дочь, а визит подруге нанесла под влиянием минутной слабости.

– Прошу простить меня, если был с вами резок, – сказал лорд Ланчестер, помогая Люсинде сесть в фаэтон. – Я не знаю вашу историю и не догадываюсь, почему вас шантажируют, но, если вы согласитесь мне довериться, я сделаю все, что в моих силах.

– Вы очень добры, сэра. Тем не менее я не вправе обращаться за помощью – как только моя история станет всеобщим достоянием, это навлечет позор и на вас.

Эндрю улыбнулся:

– С трудом верится, что вы способны совершить что-то дурное, герцогиня.

– Спасибо, но я не хочу стать причиной ваших неприятностей.

Пока фаэтон катил по зеленым аллеям Сассекса к поместью Эйвонли, Люсинда сидела, напряженно выпрямив спину и сложив руки на коленях. На земле герцога ее сердце пустилось в галоп. Многие арендаторы, работавшие в поле, уже видели прежде новую хозяйку и теперь поворачивали голову вслед фаэтону. Стыд оттого, что она принесла этим людям столько беспокойства, стал невыносимым. А если разразится скандал в обществе, от этого пострадают все, кого она знает и любит...

– Поверьте, что бы вы ни рассказали мне, я сумею избавить от неприятностей нас обоих, герцогиня, – продолжил разговор Эндрю.

– Пожалуйста, зовите меня Люсиндой, – сказала она, покраснев. – Джастин пожелает расторгнуть брак, и вскоре я снова стану мисс Сеймур.

– Сомневаюсь, что он сделает такую глупость. – Лорд Ланчестер улыбнулся. – Но раз уж вы хотите быть Люсиндой, тогда зовите меня Эндрю, как сестра и близкие друзья.

Она вспыхнула от смущения:

– Сэр, вы очень любезны, но я не заслуживаю такого отношения.

Эндрю не ответил – они уже прибыли на место, и нужно было остановить лошадей. Но когда он помогал своей спутнице выйти из фаэтона, его улыбка стала еще душевнее.

– Я искренне желаю стать вашим другом, Люсинда. Джейн вас очень любит, а она не ошибается в выборе друзей. Не думаю, что Эйвонли откажет вам от дома, но, если это вдруг случится, мои двери всегда открыты для вас.

Люсинда застенчиво поблагодарила его.

– Теперь я долж... – Она осеклась, потому что увидела Джастина, стремительно шагавшего к фаэтону. Она устремилась ему навстречу в приступе раскаяния: – Джастин, прости меня!..

– Люсинда, милая, ты жива и невредима! Слава богу. Я думал, что потерял тебя навсегда. – Он посмотрел на Эндрю: – Ланчестер, вы нашли ее и привезли ко мне! Как мне вас отблагодарить, друг мой?

– Вы ничего не должны мне, Эйвонли. Ваша супруга пришла к моей сестре, и я привез ее к вам. Она немного нервничала, но я заверил, что вы не будете ее бранить. Герцогиня хочет рассказать вам что-то важное.

– Конечно, я не буду тебя бранить, Люсинда, и внимательно выслушаю! Идем в дом, любовь моя, ты выглядишь усталой. Ланчестер, выражаю вам безмерную признательность. Потолкуем с вами позже.

– Когда пожелаете, – кивнул Эндрю. – Я рад вашему благополучному возвращению, герцогиня. Все ваши друзья рады. Можете в любое время навеститься в гости к Джейн.

– Вы очень любезны, сэр. – Люсинда больше не могла смотреть в глаза ни лорду Ланчестеру, ни мужу. Она торопливо пошла к замку, и Джастин последовал за ней.

В холле собралась любопытствующая челядь; экономка, сделав глубокий реверанс, спросила, чего изволит хозяйка.

– Приготовьте чай, я позвоню, когда он нам понадобится, – ответил вместо нее Джастин. – Моя супруга проделала долгий путь и очень устала. К ланчу мы спустимся через час.

Люсинда была голодна и хотела пить, но спешить ей было некуда. Она доверила Анджелу заботам надежного человека и знала, что дочь будет в полной безопасности до ее возвращения.

Джастин, впустив жену в маленькую гостиную вдаль от центрального входа, тоже вошел и плотно закрыл за собой дверь. Взглянув ему в лицо, Люсинда подумала, что никогда еще не видела герцога в таком смятении. Люсинда считала его добрым человеком, способным лишь на нежную привязанность, но никак не на сильные чувства. Теперь же, глядя на мужчину с плотно сжатыми губами и страданием в глазах, она его не узнавала.

– Что такого могло случиться, о чем ты побоялась сразу рассказать мне, Люсинда? Я дал обет быть с тобой в горе и в радости. Если ты попала в беду, я помог бы.

– Я знаю, – робко улыбнулась она. – И со временем пожалела, что не доверилась тебе в тот день. Но тогда меня охватила паника, Джастин. Поднявшись в свои покои по возвращении из церкви, я нашла письмо. Человек, приславший его, грозил выдать мою тайну и требовал десять тысяч фунтов. Моя первая мысль была о тебе. Я сбежала, чтобы не опорочить твою честь.

– Письмо от шантажиста лежало здесь, в твоих покоях? – потрясенно переспросил Джастин. – Могу я узнать, чем именно тебя шантажируют?

– Ты рассердишься и возненавидишь меня...

– Я никогда тебя не возненавижу.

Джастин не отрицал, что может рассердиться, но Люсинда все же собралась с духом и заговорила – торопливо, чтобы не остановиться:

– Это случилось пять с лишним лет назад накануне Рождества. Я была в поместье родителей на каникулах. У отца гостил друг. Ночью этот человек пришел в мою спальню и набросился на меня. Я проснулась в ужасе и не могла сопротивляться. Он был пьян, я помню мерзкий запах его дыхания. Я попыталась закричать, но он зажал мне рот ладонью, а под тяжестью его тела невозможно было пошевелиться. Он был лучшим другом моего отца, но... изнасиловал меня и пригрозил разорить нашу семью, если я кому-нибудь расскажу об этом.

– Изнасиловал?! Боже мой... – Джастин выглядел так, будто его с размаху ударили в солнечное сплетение. Он отшатнулся от жены, сделал несколько неуверенных шагов и рухнул в кресло. – Прости, в голове не укладывается... Для тебя это было ужасно...

Люсинда подошла к нему и опустилась на колени рядом с креслом.

– Это еще не самое ужасное, Джастин. Я еще больше страдала оттого, что не могла ни с кем поделиться. А потом, на Пасху, мать поняла, что я беременна.

Джастин смотрел Люсинде в глаза, и у него разрывалось сердце при мысли о пережитом ею кошмаре. Каким же чудовищем нужно быть, чтобы причинить зло юной, очаровательной, невинной девушке? В груди волной поднялся гнев – против мужчины, который ее изнасиловал, ибо Джастин ни на миг не усомнился в том, что жена сказала правду. Он ласково коснулся рукой ее щеки.

– Твой отец замаял дело, я полагаю? Любой на его месте поступил бы так же. Что случилось дальше?

– Меня отослали к бабушке. Она плохо со мной обращалась, часто наказывала ни за что – била тростью по ладоням. Потом мне сказали, что ребенок родился мертвым. Но и после этого отец не разрешил мне вернуться в родной дом. И выходить в свет тоже не позволял. Только после его кончины мать дала мне возможность съездить с тетужкой в Хэрроугейт.

– И поэтому ты так отчужденно держалась со мной в начале нашего знакомства?

– Отец сказал, что теперь я навек опозорена и ни один приличный мужчина на мне не женится. Мать тоже считала, что я не имею права думать о замужестве. Мы с ней поссорились, когда я решила выйти за тебя. Я хотела во всем тебе признаться перед брачной ночью и попросить прощения, но увидела письмо шантажиста...

– Ты испугалась и предпочла бегство. – Джастин поднялся из кресла, помог Люсинде встать на ноги и посмотрел ей в глаза: – Ты сохранила письмо?

Люсинда медлила с ответом. Ей не хотелось лгать мужу, но, прочитав письмо, он непременно спросит, нашла ли она свою дочь, и потребует отказаться от нее, ведь иначе разразится скандал в обществе.

– Нет... Прости, Джастин, я его уничтожила. Мне нельзя было выходить за тебя замуж. Я пойму, если ты скажешь, что ненавидишь меня. Брак можно расторгнуть, я готова уйти. Все, о чем прошу тебя, – это немного денег, чтобы продержаться до тех пор, пока не найду способ зарабатывать себе на жизнь.

Она ни за что не стала бы просить мужа о деньгах, но пришлось на это пойти ради ребенка.

Джастин несколько мгновений молча смотрел на нее, потом заговорил, и тон его внезапно сделался настолько холодным, что у Люсинды по спине побежали мурашки.

– Нет, я не намерен расторгать брак. Довольно с меня пересудов, надо мной и так уже все потешаются, Люсинда. Ты моя супруга и ею останешься.

– Джастин... – Люсинда не понимала, в чем причина такой резкой перемены его настроения, и ее глаза невольно наполнились слезами. – Я понимаю, ты злишься...

– Да неужели, дорогая? Если бы ты доверилась мне с самого начала, я бы не оказался выставлен на посмешище!

– Прости, но я... – голос Люсинды дрогнул, – я не думала, что мое бегство вызовет такие последствия. Если бы ты всем сказал, что я уехала ухаживать за больной матушкой...

– Если бы твоя записка сразу нашлась, я так и сделал бы, – перебил ее Джастин и отошел к окну. – А вот если бы ты с самого начала доверилась мне, ничего дурного не случилось бы. Ты должна была все рассказать мне, перед тем как приняла мое предложение.

– Да, должна была. Но тогда я боялась, что ты не женишься на мне, узнав мою постыдную тайну.

Джастин обернулся и взглянул на нее, надменно подняв бровь:

– Тебе так хотелось стать герцогиней Эйвонли?

– Нет... – Люсинда замолчала, но, собравшись с силами, все же продолжила: – Я люблю тебя, Джастин. И надеялась, что, если мы поженимся, ты простишь меня, когда я расскажу о своем прошлом.

– То есть ты думала, что я не пойду на развод, потому что это вызовет скандал? – Он презрительно усмехнулся. – Что ж, ты не ошиблась в расчетах, дорогая. Я не намерен разводиться. Полагаю, со временем мы сумеем наладить совместную жизнь. Мне нужен наследник. Что до скандала, теперь, когда ты вернулась, его можно не опасаться. Я просто скажу всем, что ты срочно уехала к больной родственнице, а письмо, которое ты оставила мне, затерялось. Ведь отчасти это правда.

– Джастин... – Люсинда шагнула к мужу, умоляюще протянув к нему руки, но замерла, увидев, что его красивое лицо искажено гневом. – Ты не веришь в мои чувства к тебе? Ты меня не простишь?

– Я очень постараюсь простить тебя, – сухо произнес герцог. – Однако надеюсь, ты не ждешь, что я упаду перед тобой на колени и заверю, что все забыто и былшем поросло? Я питал к тебе искреннюю симпатию, но сейчас, должен признаться, не испытываю ничего, кроме разочарования.

– Пожалуйста, Джастин, не злись на меня так! – в отчаянии воскликнула Люсинда. – Знаю, я причинила тебе боль, но я и сама была в ужасном состоянии!

– Вот этого-то я и не могу понять. – В его глазах не было и намека на сочувствие. – Почему письмо от шантажиста повергло тебя в такой ужас? Быть может, потому, что ты вообще не собиралась рассказывать мне о своем прошлом?

– У меня потребовали десять тысяч фунтов за молчание.

– Надо было показать мне письмо – я заплатил бы шантажисту. А еще лучше – нашел бы его и пригрозил тюрьмой.

– Но ты бы возненавидел меня...

– Я не питаю к тебе ненависти, – устало сказал Джастин. – Я расстроен и чувствую себя преданным, Люсинда. Расскажи ты мне об изнасиловании с самого начала, я лишь пожалел бы тебя. Это не твоя вина, тут нечего стыдиться. Но твой обман, твое безрассудное бегство, твое нежелание довериться мне... Скажу честно: ты не такая, какой я тебя себе представлял.

Эти слова, достоинство, с которым Джастин их произнес, спокойный голос и страдание, отразившееся в его глазах, ранили Люсинду в самое сердце. Бремя вины сделалось невыносимым, когда она осознала, какую боль причинила ему своим необдуманным поведением. Люсинда и сама не понимала, почему не открыла мужу всю правду. Нужно было рассказать о дочери, но она все не решалась, а теперь уже поздно. Герцог либо вернет девочку той женщине, которая так дурно с ней обращалась, либо отдаст ее в другую семью, где будет еще хуже.

Нет, она не расстанется с дочерью! Люсинда провела со своей девочкой всего две недели, но никому не отдала бы ее, даже если бы знала, что приемные родители окружают Анджелу заботой и лаской.

Джастина она любила не меньше, однако его чувства к ней не оставляли выбора. Надо было сказать, что она уходит, что ее бывшая надежда на счастливый брак разбита, однако эти слова замерли на губах.

– Ступай в свои покои и переоденься. Это платье – неподобающий наряд для герцогини, – сухо произнес Джастин. – Я рад, что ты жива и здорова, Люсинда. Уверен, нам с тобой удастся наладить семейную жизнь.

– Да, Джастин. Я снова прошу прощения.

– Я велел прислуге подать ланч через час. Пожалуйста, не заставляй меня ждать за столом.

– Конечно, Джастин. – Люсинда вдруг почувствовала, что ее гордость тоже задета. Герцог повел себя как цивилизованный человек и держался с ледяной вежливостью, но лучше бы уж он накричал на нее... – Еще раз прошу меня извинить за причиненное беспокойство.

Джастин не ответил – лишь слегка склонил голову. Люсинда сделала реверанс и вышла из гостиной.

Разумеется, челядь сгорала от любопытства – всем хотелось узнать, где пропала хозяйка. Тем не менее Люсинда прошествовала мимо слуг в гордом молчании. Элис была в ее покоях – похоже, занималась уборкой. Увидев госпожу, она поспешно сделала книксен.

– Простите, миледи! – Девушка выглядела взволнованной. – Его светлость обыскал ваши покои и запретил мне сюда заходить, а сегодня я вошла, и оказалось, что некоторые вещи нужно постирать и погладить – они валялись на полу...

– Поможешь мне переодеться, если найдется неизмятое платье?

– Вот этот утренний наряд совсем не пострадал.

– Тогда можешь не спешить с остальными, – улыбнулась Люсинда.

– Боюсь, герцог дал волю гневу, миледи.

– Понятно. Это все из-за меня. Тебе от него тоже доставалось?

– Иногда. Но я не в обиде на него, миледи. И очень рада, что вы вернулись!

– Элис, а если я попрошу тебя об одной услуге, ты согласишься мне помочь?

– Да, миледи, – без колебаний сказала девушка. – Я сделаю для вас все, что угодно.

– Герцог ничего не должен об этом знать. – Люсинда снова ласково улыбнулась ей. – Не беспокойся, в этом не будет ничего предосудительного. Возможно, я попрошу тебя просто передать кое-кому письмо, когда придет время.

– Конечно, миледи, можете на меня положиться. Никто об этом не узнает, жизнью клянусь!

«Наверное, служанка вообразила, что у меня есть любовник», – с грустью подумала Люсинда. Если она все же осмелится доверить Элис письмо, придется посвятить ее в свою тайну, но пока нужно соблюдать осторожность.

Люсинда твердо решила не расставаться с Анджелой – уж лучше она уйдет от мужа и будет самостоятельно зарабатывать на жизнь. Но ни одна благородная дама не наймет в качестве гувернантки или компаньонки женщину с незаконнорожденной дочерью. Остается работа швеи, тяжелый труд на мельнице или в поле. Она не может рассчитывать даже на место прислуги в приличном доме.

Джастин боится скандала – именно поэтому он предложил ей сохранить брак и попытаться построить отношения, удобные для обоих. Но Люсинда все еще питала робкую надежду, что, когда гнев и разочарование немного забудутся, он, возможно, снова увидит в ней привлекательную женщину. Терпеть его холодность было невыносимо, но мысль о том, чтобы с ним расстаться навсегда, причиняла еще больше страданий.

Люсинда утерла глупые слезы. А чего она ожидала? Должна была понимать, что муж не простит ей безрассудное бегство. Он считал ее простодушной и невинной девушкой, а теперь она для него – обманщица, желавшая утаить свое постыдное прошлое.

По крайней мере, у нее есть крыша над головой, и она вольна распоряжаться денежным содержанием, которое герцог Эйвонли любезно предоставил ей по условиям брачного договора. И все же страх, что Джастин рано или поздно раскроет ее обман, не отступал.

Она и так уже слишком жестоко ранила мужа. Но ведь она любит его всей душой, пусть он и не верит в это. Если она снова убежит, Джастин окончательно придет к выводу, что она его никогда не любила, и тогда развод будет неминуем.

Люсинде отчаянно хотелось вернуться в тот день, когда Джастин сделал ей предложение. Она бы объяснила, почему не может стать его женой, и герцог простил бы ее. Но незаконнорожденного ребенка он все равно бы не принял.

Выбора нет. Муж не должен узнать, что у нее есть дочь.

После ланча Джастин долго скакал верхом по округе, не щадя лошади. Когда Люсинда спустилась к столу, она была так прекрасна и безмятежна, что герцог невольно залюбовался ею и почувствовал, как в нем загорелось желание. Он выбрал эту женщину себе в жены, и ее признание ошеломило его и повергло в смятение. Ведь он считал Люсинду невинной юной леди и объяснял ее сдержанное поведение в Хэрроугейте природной скромностью и намерением лучше узнать его. Теперь стало ясно, что он ошибался. Перед свадьбой она даже не намекнула на внебрачного ребенка, Джастину и в голову не приходило, что его невеста не девственница. Можно ли верить в ее историю об изнасиловании? Усомнившись всего на мгновение, герцог отменил этот вопрос, признав его подлым. Пусть поначалу Люсинда не была с ним откровенна, это не повлияет на его отношение к мерзавцу, который ее обесчестил! Страдание, отразившееся в глазах супруги, когда она рассказывала о той ужасной ночи, – доказательство ее невиновности. Если бы Люсинда назвала ему имя злодея, Джастин убил бы его.

Задыхнувшись от ярости, герцог принял решение отомстить негодяю, который надругался над беззащитной шестнадцатилетней девушкой.

Жаль, что Люсинда не сохранила письмо от шантажиста. В противном случае автора легко удалось бы вычислить, а так придется искать иголку в стоге сена. Кто мог подбросить

ей письмо в день свадьбы? Как этот человек узнал тайну, которую отец Люсинды позаботился надежно скрыть?

Разумеется, утаить беременность от всех на свете было невозможно – на родах присутствовали врач или повитуха, и кто-то из бабушкиных слуг помогал им. Вот с них и следует начать, если он намерен затеять расследование.

А хочет ли он узнать о прошлом Люсинды больше?.. Джастин нахмурился. Люсинда имеет право на свои тайны, но все же она его жена, и ее шантажируют, а он обязан защищать ее – и не только для того, чтобы сохранить фамильную честь. Даже если шантажист получит деньги, ничего не закончится – мерзавец потребует еще, такова природа этих тварей. Единственный способ избавиться от шантажиста – или от шантажистки? – ответить угрозой на угрозу. Нужно напугать автора письма до потери сознания – и не важно, мужчина это или женщина. А если не поможет, он перейдет к действиям.

В надежности сыщиков, нанятых для поисков Люсинды, Джастин не сомневался: им можно доверять. Теперь он отправит их в дом ее бабушки, а если той уже нет в живых, пусть найдут ее бывших слуг. Открывать сыщикам тайну жены Джастин не собирался. Он лично расспросит слуг, врача, повитуху – всех, кто мог присутствовать на родах Люсинды.

Она сказала, ее ребенок умер. Но так ли это? Джастин помрачнел, представив себе вариант развития событий. Мистер Сеймур не позволил бы Люсинде растить бастарда. Вполне вероятно, он велел сказать ей, что дитя родилось мертвым, а сам отдал его приемным родителям. То есть круг людей, вовлеченных в эту историю, расширился: кто-то, знавший о тайном усыновлении, мог затеять шантаж, прослышав, что мать ребенка выходит замуж за весьма состоятельного человека. Несомненно, именно это и заставило крысу выползти из норы. При мысли об этом Джастина переполнило негодование. Затем он почувствовал укол совести, вспомнив, что и сам был слишком резок с Люсиндой. Но тогда его терзали ревность, разочарование и боль, ведь он узнал, что его юная супруга вовсе не добродетельная девица, каковой он ее считал. Разумеется, он не сдержался. Пообещал, что не станет на нее сердиться, и нарушил слово, дав волю гневу. Выслушав Люсинду, он сразу смирился с тем, что она поведала, ведь в конце концов, все это случилось до того, как они познакомились. Но потом вдруг нахлынули несвойственные ему эмоции, и он разозлился. Почему? Однажды он хотел взять в жены вдову, и ее отношения с первым мужем ничуть его не заботили. Отчего же он так разгневался, узнав, что Люсинда не девственница?

Откуда эта ревность? Ведь брак с Люсиндой изначально не был любовным союзом. Джастин осознавал, что не прав, но был не в силах простить Люсинду за то, что она не доверилась ему с самого начала. Он смотрел в глаза жены и задыхался от сердечной боли, потому что в ее глазах была мольба о том, чего он не мог ей дать. Порой боль утихала, и тогда ему казалось, что у них обоих осталось достаточно уважения друг к другу, чтобы стать благополучной семейной парой. Однако сейчас ему требовалось побыть одному.

У герцога были дела в Лондоне, и он решил тем же вечером сказать Люсинде, что уедет из поместья дней на десять. За это время Джастин рассчитывал справиться со своими чувствами. Он вернется, и тогда они начнут все заново. Для них обоих так будет лучше – построить приемлемую совместную жизнь, вместо того чтобы пережить болезненный развод.

Приведя таким образом мысли в порядок, герцог с облегчением вздохнул и, прищпорив лошадь, поскакал к дому. Слуги ничего не должны заподозрить – хватит с него пересудов. Он выпьет чаю с Люсиндой в малой гостиной, как будто ничего не случилось. Романтическую любовь Джастин считал мифом. К тому же отдать кому-то свое сердце означает обречь себя на страдания, а для брака достаточно уважения и симпатии. Необходимо было поскорее оправиться после абсурдного приступа ревности и стать сдержанным и заботливым мужем, каким он и представлял себе всегда главу семейства.

Вечером, когда Люсинда, расчесывая волосы, сидела за туалетным столиком в своей спальне, раздался стук в дверь, и Джастин попросил разрешения войти. Впустив мужа, она поймала его взгляд, который показался ей странным. Герцог молча стоял и смотрел на нее несколько мгновений. Люсин-де почувствовалось, что в его глазах мелькнуло желание обнять ее. – Она обрадовалась, что Джастин решил положить конец их ссоре, однако его слова лишили ее надежды.

– Прости за беспокойство, Люсинда, но за ужином я не мог с тобой поговорить, поскольку не хотел, чтобы нас слышала прислуга. Завтра я уеду в Лондон по делам. Пообещай, что ты останешься здесь и не вызовешь лишних пересудов своим поведением.

Его суровый тон задел Люсинду за живое.

– Я уже извинилась за свое поведение. Ты не веришь, что я искренне раскаиваюсь?

– Я пока не до конца разобрался в самом себе, и мне нужно осмыслить то, что я от тебя услышал. Вернусь дней через десять или раньше, и у нас будет бездна времени, чтобы лучше узнать друг друга. Возможно, мы поспешили со свадьбой.

– Я так и сказала, когда ты сделал мне предложение.

– Мне казалось тогда, что я все знаю о тебе. Но, как выяснилось, я ошибался.

– Да, я понимаю. Ты имеешь право на гнев и отвращение. Я попросила у тебя прощения за то, что скрыла свое прошлое, но я такая, какая есть и какой была до нашей свадьбы. – Люсинде тяжело дались эти слова, но она не отвела взгляда и не склонила голову. – Клянусь, я не сделала ничего, чтобы привлечь внимание мужчины, который меня обесчестил.

– Ты назовешь мне его имя?

– Зачем?

– Возможно, именно он тебя шантажирует. Ты не думала об этом?

– Нет... – растерялась Люсинда. – Я вообще не думала о том, кто мог отправить мне то письмо.

– Правда? – удивился Джастин. – Но ты же понимаешь, что этот человек не отступится? Если получишь второе письмо, немедленно отдай его мне.

– Хорошо. – Люсинда потупилась. – Но первое было без подписи.

– Разумеется. Однако мы могли бы найти зацепку в самом тексте. Как он был написан? Грамотно?

– О, я не помню... Да, пожалуй, очень грамотно, ровным, разборчивым почерком, без помарок и ошибок.

– Значит, автором вполне мог быть друг твоего отца. Кто еще знал твою тайну, Люсинда?

– Родители, врач, принимавший роды, бабушка... и ее слуги. Я не сомневаюсь, что слуги обо всем знали.

– Конечно, знали. Но мало кто из слуг умеет грамотно изъясняться и тем более писать. Стиль послания сужает для нас круг подозреваемых.

– Еще у бабушки были друзья. Возможно, она с кем-нибудь обсуждала мою историю. – Люсин-да вскинула глаза на мужа: – Почему это так важно?

– Потому что я должен быть готов к новой попытке шантажа. Ты не будешь иметь с ним никаких дел. Я сам все улажу, ты слышишь меня?

– Да, конечно.

– Прекрасно. Тогда не будем больше возвращаться к этой теме без необходимости. – Джастин шагнул к жене, и на секунду ей почувствовалось, что он сейчас прикоснется к ней или поцелует, но герцог всего лишь взял с туалетного столика флакончик духов и поднес его к носу. – Запоминающийся аромат. Когда мы тебя искали, я порой заходил в твою спальню, вдыхал его, и мне казалось, что ты рядом, Люсинда.

– Еще раз благодарю за то, что позволил мне вернуться.

– Ты моя жена. Как я мог не позволить?

Под его пристальным взглядом у Люсинды сильнее забилося сердце. Если бы он сейчас заключил ее в объятия, она обвила бы его руками за шею и пылко ответила на поцелуй, а потом рассказала бы о дочери. Но Джастин отвел взгляд, поклонился и молча покинул ее спальню.

Люсинда несколько мгновений смотрела на закрывшуюся дверь, после чего опустилась на краешек кровати и поняла, что у нее больше нет сил сдерживать слезы. Какое-то время они беспрепятственно катились по щекам, затем она осушила соленые ручейки ладонью. Нечего себя жалеть, нужно подумать о будущем. Если она хочет сохранить существование дочери в тайне от Джастина, придется посвятить в свои планы Элис. Служанка – честная девушка, она будет передавать Анджеле послания, гостинцы и утешать малышку, если мама в какой-то день не сможет прийти.

Прежде чем вернуться к мужу, Люсинда устроила дочку в маленьком лесном домике на окраине поместья, поручив ее заботам своей старенькой няни, которая уже много лет жила в одиночестве, после того как получила отставку у миссис Сеймур. Люсинда отыскала ее, обо всем рассказала и привезла на землю Эйвонли.

– Какая хорошенькая, но совсем худышка! – захала няня при виде маленькой Анджелы. – Конечно, милая, – сказала она Люсинде, – я буду присматривать за твоей доченькой ради тебя. Мне не понравилось, как с тобой обошелся отец. Он поступил жестоко, сказав, что ребенок умер. И я бы сделала все, чтобы тебе помочь, но меня тотчас уволили, обвинив в дурном влиянии на тебя.

– Это было несправедливо!

– Что было, то было, теперь это дело прошлое, а для нас сейчас главное – позаботиться о малютке. – Няня заулыбалась и хотела погладить девочку по головке, но та, настороженно засопев, попятилась, будто ждала подзатыльника.

– С ней очень плохо обращались, – вздохнула Люсинда. – Ты уж не наказывай ее слишком строго, няня. Она быстро всему научится.

– Конечно, научится. Я никогда не наказывала тебя, Люсинда, и этой малютке тоже нечего опасаться. Но хорошие манеры ей так или иначе придется усвоить, ведь она твоя дочь.

– Сейчас я не смогу уделять ей много времени, муж мне не позволит.

Няня грустно взглянула на Люсинду:

– Ты не открыла ему правду? Если герцог хороший человек, он непременно позволит тебе видиться с дочерью и найдет для нас приличное жилище.

– Со временем я все расскажу ему, но пока это должно оставаться тайной.

– Что ж, так тому и быть, – вздохнула няня и неодобрительно покачала головой.

Несмотря на это, Люсинда не сомневалась, что старушка будет заботиться о девочке как о родной дочери и никогда не предаст ни ее, ни свою бывшую воспитанницу.

Вероятно, Элис тоже выразит неодобрение, но Люсинда все равно решила ей довериться, поскольку у нее не было выбора.

Возможно, когда Джастин приедет из Лондона, им удастся снова стать друзьями, и тогда она поделится с ним своими секретами.

Потушив свет, Люсинда долго лежала без сна, пытаясь унять беспокойные мысли. Если муж узнает, что она не до конца раскрыла ему свою тайну, он точно возненавидит ее.

Джастин никак не мог уснуть. Он прихватил с собой в спальню графин бренди, надеясь, что стаканчик-другой любимого напитка поможет ему расслабиться, но не тут-то было. Желание заключить жену в объятия и страстно целовать ее разгоралось все сильнее. Сегодня вечером герцог при виде Люсинды понял, что сгорает от страсти и хочет, чтобы она стала его женой не только на словах. Почему нельзя положить конец ссоре, просто забыв обо всем в объятиях друг друга?

Джастин вспомнил слова отца: «Не забывай, что у тебя есть долг перед самим собой и перед семьей. Любые чувства, кроме чувства долга, всегда следует держать под спудом, ибо, вырвавшись на волю, они тебя уничтожат. Наш род столетиями, поколение за поколением, оберегал свою честь и достоинство как главнейшие добродетели. Не смей нарушать преемственность». Сейчас отец сказал бы, что его, Джастина, долг – расторгнуть брак, отослать Люсинду с глаз долой и жениться на девице с безупречной репутацией. Но Джастин не мог так поступить. Он был зол и ранен в самое сердце, но, несмотря на боль и негодование, страстно желал свою прекрасную супругу и был обеспокоен ее дальнейшей судьбой. Он не позволит тому, что случилось, разрушить жизнь их обоих. Нужно привести мысли и эмоции в порядок, немного остыть, и единственный способ это сделать – некоторое время побыть одному, вдали от Люсинды. Если они останутся в одном доме, он не сумеет спокойно пройти мимо ее спальни.

Глава 3

Люсинда вышла из дома засветло, сразу после того, как, стоя у окна, проводила взглядом Джастина, уезжавшего в двухколесном экипаже. Утро выдалось прохладное, и поверх платья самого простого кроя она накинула теплый плащ. С собой прихватила печенье и сдобную булочку, которые подали ей к завтраку. Анджела уплетала такие лакомства за обе щеки – наверное, потому что впервые попробовать сладкое ей довелось совсем недавно. Люсинда уже выслушала нянино ворчанье – старушка потребовала не закармливать девочку, – но материнское сердце разрывалось от чувства вины за то, что дочь росла в таких ужасных условиях, и ей очень хотелось побаловать малышку.

Люсинда мечтала жить с Анджелой в одном доме и самостоятельно ее воспитывать, пусть даже придется сказать, что это не ее ребенок, а дочь покойной родственницы. Однако и такой вариант развития событий был невозможен.

С этими невеселыми мыслями Люсинда дошла до лесного домика на окраине поместья, и Анджела, высмотрев ее из окна, бросилась навстречу. Люсинда раскрыла ей объятия, подхватила на руки и покрывла мокрое от слез личико поцелуями.

– Я думала, ты никогда не придешь! – всхлипнула девочка, с укором глядя на нее. – Ты обещала мне печенье!

– Я принесла! – заулыбалась Люсинда и снова чмокнула мокрую щечку. От девочки пахло душистым мылом, а в красивом платьице, купленном для нее Люсиндой, она выглядела очаровательно и уже не казалась такой худышкой – хорошее питание дало о себе знать. – Няня с тобой обращалась ласково?

– Да... но я хочу быть с тобой! – сообщила Анджела и, засунув в рот большой палец, обиженно уставилась на Люсинду.

Та, засмеявшись, вытащила пальчик у девочки изо рта.

– Не делай так, пожалуйста, милая, а то откусишь. Маме нужно много трудиться, чтобы вы с няней могли переехать в хороший дом. Я буду приходить к тебе, когда смогу, радость моя, но ты должна себя хорошо вести и слушаться няню.

– Она слушается, – улыбнулась подошедшая няня.

Перед тем как поставить девочку на землю, Люсинда снова поцеловала ее в щечку. Анджела тотчас побежала играть с разноцветными кубиками – няня сохранила детские игрушки своей бывшей воспитанницы.

– Прости, няня, я не могла прийти вчера вечером – боялась, что мое отсутствие будет замечено.

– Значит, ты так и не сказала ему про ребенка, – осуждающе покачала головой старушка. – Ох, не навлекла бы ты на себя беду, Люсинда.

– Я не хочу огорчать мужа. Он и так злится на меня, с тех пор как я объяснила, почему сбежала в день свадьбы. Но все же он хочет сохранить брак.

– А ты? Чего хочешь ты?

– Я... я люблю его, – дрогнувшим голосом призналась Люсинда. – Я люблю их обоих – Джастина и свою девочку. Как же мне выбрать между ними?

– Так, может, и выбирать не придется, если ты расскажешь мужу правду?

– Он не примет Анджелу. Как можно на это надеяться?

– Что ж, тебе ничто не мешает навещать дочь, пока у меня есть силы ее опекать. Но годы-то идут, мне уж почти шестьдесят, а когда малютка подрастет, ей понадобятся хорошее образование и дом поприличнее.

– К тому времени я что-нибудь придумаю, но пока умоляю тебя позаботиться о ней!

– Тебе не нужно меня ни о чем просить, милая. Я уже полюбила эту девчущку как родную дочь. Как тебя, когда ты была малюткой.

– Я знаю, няня, поэтому и пришла к тебе за помощью.

– А где сейчас твой муж?

– Уехал по делам в Лондон. Он думает, что нам обоим нужно время залечить раны. Мое признание его ошеломило.

– А представь себе, каково ему будет узнать, что у тебя есть дочь и ты ее прячешь от него? – Няня вздохнула. – Будь поосторожнее, детка, не вызови подозрение частыми отлучками к нам. Но давай-ка покончим с болтовней – поиграй с ребенком, пока есть время. Мало-помалу она привыкнет, что ты приходишь совсем ненадолго.

– Привыкнет, няня, – грустно кивнула Люсинда. – Даже если бы она жила со мной в замке, у меня, к сожалению, не было бы возможности проводить с ней дни напролет.

– Да, так уж у вас, у богатых, заведено – малыши растут в детских комнатах и редко видят родителей.

– Нянюшка, ты такая грозная! – невольно рассмеялась Люсинда. – Вот теперь моя душа спокойна: пока ты рядом, Анджеле нечего бояться!

В замок Люсинда вернулась за полдень, и от нее не укрылся любопытный взгляд экономки – той наверняка показалось странным долгое отсутствие герцогини.

– Погода просто замечательная, поэтому я гуляла дольше обычного, – небрежно сказала ей Люсинда. – Велите подать чай в малую гостиную.

– Слушаюсь, ваша светлость.

– Пожалуйста, миссис Манн, называйте меня мадам или миледи. Я не привыкла к таким громким титулам.

– Как пожелаете, мадам. Чай приготовят незамедлительно. – Экономка направилась к лестнице, но по пути обернулась: – Час назад заезжала мисс Ланчестер. Я сказала ей, что вы отправились на моцион.

– Ах, как неудачно получилось, – расстроилась Люсинда. – Мне так хотелось с ней повидаться...

– Мисс Ланчестер пригласила вас к себе на чай нынче вечером.

– С удовольствием принимаю приглашение! Я переоденусь, а вы прикажите приготовить карету. Чай подавать не нужно – я выпью его с мисс Ланчестер.

– Но вы, должно быть, проголодались, мадам. После завтрака прошло много времени.

– О... утром я взяла с собой печенье и сдобу. Люблю, знаете ли, долгие прогулки и пикники на свежем воздухе. Будьте любезны, попросите повара подавать мне на завтрак лишнюю булочку и побольше бисквитов или пару круассанов. И еще фруктов – яблоки, если у нас есть, и прочее, чтобы я могла брать их в качестве второго завтрака с собой на прогулку.

– Да, миледи. Как пожелаете.

Было очевидно, что миссис Манн нашла просьбу хозяйки весьма удивительной. Благородные дамы не разгуливают часами без сопровождения и уж тем более не едят на людях. Но Люсинду плохо скрытое неодобрение экономки лишь позабавило.

Анджела перед уходом Люсинды из лесного домика расплакалась и цеплялась за ее юбку, не желая отпускать маму. Няня сказала, что девочка успокоится, как только она уйдет: «Детишкам не нравится, когда их родители уходят, но они быстро забывают о своем огорчении и переключаются на игры. Анджела скоро привыкнет отпускать тебя без слез. Мы начнем с ней потихоньку учиться читать, и она уже не будет так скучать». Люсинду эти слова немного утешили – в конце концов, у няни большой опыт в таких делах. Старушка привезла с собой несколько книжек, куклы и кубики, но вскоре Анджеле их будет не хватать для дальнейшего развития. Люсинда подумала, что в родовом гнезде Эйвонли наверняка есть детская комната, надо будет

вечером спросить у миссис Манн и посмотреть, что оттуда можно взять для дочки, – в детских всегда хранятся старые книги и игрушки.

Настроение у Люсинды заметно улучшилось, когда она поднималась в женские покои. Открывать свой секрет Джейн она уже не собиралась, хотя была готова к этому вчера, но тогда ей помешало неожиданное появление лорда Ланчестера.

Мысли Люсинды обратились к Джастину. Интересно, у него и правда важные дела в Лондоне или он выдумал предлог, чтобы побыть какое-то время вдали от нее?..

Встреча с нотариусом заняла больше времени, чем герцог рассчитывал. Из конторы он вышел далеко за полдень и направился к своему клубу. Он снова думал о вчерашнем вечере, о Люсинде, открывшей ему дверь спальни, о своей сказочно красивой жене, при виде которой у него перехватило дух и вспыхнуло страстное желание заняться с ней любовью. Лишь глупая гордость не позволила ему покончить с их размолвкой, покрыв ее лицо поцелуями. Теперь, когда у Джастина появилось время все обдумать, ему стало ясно, что Люсинда оказалась в чудовищном, невыносимом положении, потому что так сложились обстоятельства, и он разозлился вовсе не на нее, а на самого себя – за то, что не разобрался, не проявил к ней сочувствия, – и на всех людей, причинивших ей боль. Конечно, отец Люсинды страшно разгневался, узнав о ее беременности, но ведь его дочь изнасиловали, и гнев мистера Сеймура должен был пасть на негодея, который сделал с ней это.

Кроме того, герцог пришел к выводу, что Люсинда не пыталась заманить его в сети, чтобы получить громкий титул. Теперь было понятно, почему она так скромничала в Хэрроугейте – не из ложного кокетства, а потому, что искренне считала себя недостойной замужества. Но почему она не верила, что он выслушает ее с сочувствием и пониманием, если и правда влюбилась в него?

Джастина ранила не столько правда о прошлом жены, сколько тот факт, что она пыталась это прошлое скрыть. В конце концов, она ему доверилась, и нужно уважать ее за это, потому что... он не хочет ее потерять. Джастин не желал расторжения брака не только из-за того, что развод вызвал бы скандал в обществе и бросил тень на фамильную честь Эйвонли. Навсегда расстаться с Люсиндой ему мешало странное предчувствие, что без нее его жизнь станет пустой.

Герцогу предстояло еще несколько деловых встреч в Лондоне. После этого он отправится в Эйвонли – и все наладится. Джастин уповал на то, что его вспышка гнева не напугала Люсинду. Он сделает все, чтобы сохранить их брак, потому что не желает расставаться с супругой. И надо не забыть купить ей какую-нибудь драгоценность в знак того, что он сожалеет о своей несдержанности...

На следующий день Люсинда осмотрела детскую. Комната, в которой выросли многие поколения Эйвонли, оказалась светлой и просторной. Окна выходят на солнечную сторону, поэтому в ней, наверное, и зимой тепло. Как было бы замечательно, если бы здесь могли поселиться Анджела и няня... Лесной домик на окраине поместья не так уж и плох, но, подрастая, дочка начнет задаваться вопросом, почему она живет здесь, а ее мама – в герцогском замке за лесом.

Вздыхнув, Люсинда открыла дверцы шкафа. Внутри обнаружилась целая гора сокровищ – множество книжек и игрушек для малышей. Она выбрала куклу с восковой головой – для нее можно будет шить разные наряды, чтобы Анджела была в курсе светской моды, деревянную лошадку и две книжки с картинками. Протянув руку к детским счётам, Люсинда вдруг замерла – позади послышались шаги, и она резко обернулась, почувствовав себя воровкой.

– Вы напугали меня, миссис Манн. Вам что-то нужно?

– Сегодня вы опять отправитесь на долгую прогулку, мадам? Повар спрашивает, что вам приготовить на ланч.

– О... да, я прогуляюсь. Вот, решила осмотреть детскую. Мой муж вырос в замечательном местечке.

– Да, здесь очень мило, – сказала экономка. – Желаете, чтобы детскую привели в порядок? Прежняя герцогиня считала, что нужно сделать ремонт в комнатке няни, но руки так и не дошли.

– Я непременно обсужу это с его светлостью. Спасибо, миссис Манн, вы можете идти.

– Раз уж речь зашла о ремонте, – и не подумала уходить экономка, – меня беспокоят помещения в западном крыле, миледи. Не согласитесь ли взглянуть на них, когда найдется время? Особенно на те, что в мансарде. В прежние времена там были комнаты для прислуги, но потом людей перевели в восточное крыло, потому что чердачный этаж совсем обветшал. Батюшка его светлости собирался там все подновить, да не успел. Теперь многие служанки ютятся по трое в крошечных каморках, и было бы замечательно снова переселить их в западное крыло.

– Понимаю, – кивнула Люсинда. – Сегодня же вечером я осмотрю мансарду. Вы удовлетворены?

– О, конечно, мадам, благодарю вас.

Люсинда проводила экономку взглядом и достала из шкафа счёты. С их помощью няня научит Анджелу считать. Пропажи нескольких вещей никто не заметит, ведь сюда не заходят и не будут заходить, пока... При мысли о том, что у них с Джастином может родиться ребенок, Люсинда улыбнулась. Когда это случится, она станет самой счастливой на свете!.. Нет, если Анджела не будет частью их семьи, счастья ей не видать. Ежедневные встречи – а выкроить на них время будет все труднее, когда Джастин вернется, – не заменят ей жизни под одной крышей со своей девочкой.

По щекам Люсинды покатались слезы. Она спрятала подарки для Анджелы под плащ и вышла из детской. Сладости и игрушки, конечно, порадуют малышку, но прежде всего ей нужны уютный дом и безопасность. «Так, хватит ныть», – призвала себя к порядку Люсинда. Анджела заждалась и наверняка устроит истерику, если мама задержится. Девочка уже проявляет характер. Няня умеет успокаивать деток, но все-таки она уже немолода, и порой ей приходится несладко.

– Поначалу я думала, малышка просто раскапризничалась, – озабоченно сказала няня Люсин-де. Они стояли у детской кровати и смотрели на спящую Анджелу: щечки у девочки разругались, на лбу появилась испарина. – Ночью она все время просыпалась и звала тебя. Утром я пощупала ей лоб – оказался горячим, и стало понятно, что ей нездоровится.

– Может быть, у нее что-то с животиком?

– Скорее всего. Вчера вечером она поужинала, а утром отказалась от омлета. По-моему, нам лучше позвать доктора.

Люсинда положила ладонь на лоб дочери.

– Да, у нее жар. Я сама схожу в деревню. Скажу врачу, что это дочка моей покойной кухни, а ты – ее няня. Хоть отчасти это будет правдой.

– Ложь когда-нибудь навлечет на тебя беду, Люсинда, – вздохнула старушка.

– А что мне еще остается? Вот, возьми, я принесла для Анджелы кое-что, но едва ли она сейчас обрадуется книжкам и игрушкам. Побегу за доктором, няня!

До деревни Люсинда добралась быстрым шагом по узенькой тропе между деревьями. Дом врача стоял на опушке леса, посреди зеленой лужайки. Люсинда взбежала на крыльцо,

громко постучала, и дверь почти сразу открылась. Ей заулыбалась добродушная розовошекая экономка:

– Ну, что у тебя стряслось, деточка?.. Ой, ваша светлость?! – Женщина смущенно присела в реверансе. – Покорно прошу простить! Я не ожидала вас увидеть... Пожалуйста, входите, миледи!

– Ваш хозяин дома? – спросила Люсинда.

– Да, миледи. Если бы вы послали за ним, он явился бы незамедлительно.

– Я решила сама прогуляться. Мне нужно с ним поговорить.

– Конечно, миледи, я провожу вас к нему в кабинет.

Люсинда последовала за экономкой, стараясь унять волнение. Нужно быть очень осторожной – врач не должен заподозрить, что она мать Анджелы, а не двоюродная тетушка.

Вернуться в Эйвонли Люсинде удалось только ближе к вечеру. Доктор внимательно осмотрел девочку и сурово спросил, хорошо ли она питается. Люсинда принялась объяснять, что ее мнимая кузина попала в бедственное положение, потом заболела и умерла, а о стесненных обстоятельствах вдовы с ребенком родственникам стало известно только после похорон.

– Мне неожиданно сообщили, что кузина при смерти. Я тотчас поехала к ней, а затем разобралась с ее делами и нашла добрую женщину, которая согласилась присмотреть за ее дочерью-сироткой, которая до сих пор плачет и зовет маму.

Тут Анджела проснулась и заревела, протянув к ней ручки. Врач, похоже, поверил в придуманную историю. Он сказал, что у малышки желудочные колики из-за неправильного питания.

– Если она долгое время недоедала, избыточная и тяжелая пища могла вызвать несварение. Не закармливайте ее, давайте овощи и каши, а мясо и сладкое вводите в рацион потихоньку.

– Это я виновата, – опечалилась Люсинда. – Мне хотелось побаловать сиротку, и я кормила ее бисквитами и пирожными. Мы непременно последуем вашим рекомендациям, доктор.

– Ко всему прочему, у девочки легкая простуда, поэтому температура поднялась, – добавил врач. – У меня есть микстура, но вам придется зайти за ней ко мне домой, если ваша светлость не возражает.

– Конечно нет! Идемте!

Люсинда понимала, что нужно будет как-то объяснить миссис Манн свое затянувшееся отсутствие, но ради дочки была готова на все.

Во взгляде, которым ее встретила миссис Манн, явственно читался упрек. Люсинда в качестве оправдания сослалась на то, что забыла о времени.

– Что ж, ваша светлость не обязаны передо мной отчитываться. Однако, если позволите, напомню вам о комнатах для прислуги в западном крыле. Хозяйки этого дома всегда заботились о благополучии служанок.

– Да, разумеется. Вчера я забыла об этом. Возможно, вам показалось, что я пренебрегаю своими обязанностями...

– Не мое дело вам указывать, мадам.

– Конечно, однако мне бы хотелось обсудить с вами также меню и простые хозяйственные вопросы, чтобы знать о личных предпочтениях его светлости.

– Как пожелаете, мадам. Вам известно, когда его светлость вернется?

– Через несколько дней. У него дела в Лондоне. Он приедет, как только управится.

– Ясно, мадам.

– Что ж, а теперь ведите меня в мансарду или куда вам будет угодно.

– Его светлость распорядился в свое время о ремонтных работах почти во всем замке, мадам, но мансарда, похоже, ускользнула от его внимания.

– Вероятно, он не знал о том, что служанки ютятся в восточном крыле.

Люсинда последовала за экономкой вверх по узкой чердачной лестнице, на которую они вышли через незаметную дверь в холле.

Осмотрев многочисленные каморки в мансардном этаже, Люсинда удостоверилась в правоте миссис Манн – здесь требовался ремонт. Покатый потолок просел в нескольких местах так, что штукатурка грозила осыпаться огромными кусками; только в двух комнатах можно было обойтись малыми усилиями.

– Нужно чинить крышу, – констатировала Люсинда, глядя на темные разводы, расплывшиеся по потолку.

– Ее залатали в прошлом году, – сказала экономка. – Теперь хорошо бы обновить побелку и заменить доски настила в тех местах, где они намокли и начали гнить.

– Да, я вижу. Что ж, я поговорю об этом с мужем, когда он вернется. Боюсь, не в моей власти принимать такие серьезные решения, миссис Манн. Потерпите, мы что-нибудь придумаем.

– Конечно, мадам. Если вас устраивает нынешнее положение вещей...

Люсинде показалось, что экономка недовольно фыркнула.

– Я обязательно все улажу, – пообещала она. – Ведь служанки могут еще немного пожить в восточном крыле?

– Да, мадам, раз уж это необходимо. Но летом там будет очень жарко, особенно если в каждой каморке живут несколько человек.

По пути в свои покои Люсинда чувствовала угрызения совести, но поступить иначе она не могла. Запретив себе об этом думать, она начала переодеваться к ужину, на который были приглашены Джейн и Эндрю Ланчестеры. Они обещали привезти с собой других гостей – не слишком близких, но добрых знакомых Люсинды, поэтому вечер обещал быть приятным для всех.

Завтра утром она наведается в лесной домик узнать, как чувствует себя доченька, а пока нужно хорошенько обдумать план по переселению Анджелы и няни в родовое гнездо Эйвонли.

Джастин решил покинуть Лондон тем же вечером. Он предполагал задержаться здесь подольше, но с делами уже было покончено, а на месте ему не сиделось. Его гнев давно прошел, и, хотя душевная боль ничуть не утихла, герцогу хотелось увидеть Люсинду, услышать ее голос, полюбоваться ее улыбкой. Еще больше ему хотелось оказаться с ней в постели в прекрасной спальне, на убранство которой к их первой брачной ночи он не пожалел ни времени, ни денег.

Джастин хмурился, размышляя о том, с чего начать их примирение и как к этому отнесется Люсинда. Казалось бы, он уже разобрался в ее чувствах, однако теперь его снова одолели сомнения. Люсинда приняла его предложение не сразу – и вполне возможно, что ее колебания объяснялись нежеланием открывать жениху тайну своего прошлого. А что, если была более серьезная причина? Быть может, она боялась интимной близости? Раньше, когда он целовал Люсинду, она ни разу не выказывала отвращения. Но для семейной жизни поцелуев недостаточно. Разумеется, если Люсинда согласилась выйти за него замуж, она готова и к выполнению супружеского долга, только вот ему не нужна покорная супруга, для которой занятие любовью – неприятная обязанность. Сначала нужно заслужить ее доверие, иначе он сам уничтожит свои надежды на счастливый брак.

Джастин позвонил в колокольчик, собираясь сказать слуге, чтобы начинал паковать вещи, но в то же мгновение слуга сам заглянул в его покои и сообщил, что прибыл посыльный от нотариуса. Сломав печать и прочитав письмо, Джастин нахмурился. Речь в письме шла о затруднениях, возникших в связи с последними распоряжениями герцога касательно завеща-

ния, и нотариус просил его как можно скорее явиться в контору. Это означало, что отъезд в Эйвонли откладывается по крайней мере на день.

Джастину не хотелось задерживаться в Лондоне, но дело было безотлагательное. Вздыхнув, он надел шляпу, взял трость с серебряным набалдашником и отправился к нотариусу. Чем быстрее он управится с делами, тем быстрее увидит Люсинду.

– Микстура, которую нам дал доктор, сотворила чудеса, – сказала няня, когда Люсинда пришла к ним утром сразу после завтрака. – Анджела проснулась в хорошем настроении и съела булочку с медом.

– Она сейчас в кровати?

– Я оставила ее наверху рассматривать картинки в твоих книжках, но, когда шла открывать дверь, слышала какую-то возню – наверное, она уже вылезла из кровати и играет.

Люсинда поспешила в комнатку на втором этаже. Оказалось, девочка занята утренним туалетом – она сама оделась и как раз пыталась справиться с пуговками на платье, а спутанные буйные локоны свидетельствовали о том, что Анджела не считает необходимым использовать расческу. Увидев маму, малышка, как обычно, ударилась в слезы.

– Бедненькая моя, иди скорее ко мне! – Люсинда подхватила дочку на руки и, сев на кровать, усадила ее себе на колени. Люсинда заметила, что ручки и ножки Анджелы, которые раньше казались хрупкими веточками, уже заметно округлились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.